Татьяна ХАРУТА

Тайные свидетельства времени
(об отчетах ИРМО и консерватории)

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно…

А.С.Пушкин

Глядя в немые, обветшавшие и заметно потрепанные временем страницы отчетов Императорского русского музыкального общества, начинаешь бороться с овладевающим тобой чувством огорчения. И ловишь себя на мысли, которая предательски шепчет: «Хлам и скука…» Подумать только, как велико и значимо, как радостно для нас открытие консерватории! Эти стены, ставшие родными стольким музыкантам, являются поистине свидетельством триумфа своих создателей, первых энтузиастов великого дела… А взгляд скользит по страницам отчета, выхватывая равнодушные записи: «Восемьдесят тысяч, столько-то копеек… расход… приход… на починку крыши… фундамент…» И становится жалко, что столько людей, которые когда-то творили, мыслили, действовали, теперь наполняют ровные столбцы статистических списков; и даже великие имена теряются в этом множестве, становясь лишь крупицей большого целого. Прошлое уходит, мумифицируясь в сухой отчет. Неужели невозможно этот экстракт ушедшей жизни наполнить былыми соками, оживить своей фантазией?..

И уже не замечая того, как пытливо, с интересом перебегаю от одной фамилии к другой, я пытаюсь найти знакомые мне имена. И постепенно прошлое оживает…

Сколько музыкальных гениев дала нам консерватория, сколько талантливых людей воспитала она, сделав их профессионалами экстра-класса! Но поразительно, даже тех, о ком мы знаем хоть что-то, чьи имена сохранила для нас прихотливая история, а воспоминания об их деятельности зафиксировали современники, даже тех наберется не так уж и много, как может показаться на первый взгляд.

А ведь сколько студентов и выпускников нашей консерватории оказалось забыто (взять хотя бы эти цифры: ежегодно здесь обучалось более пятисот человек)! Они исчезли бесследно в вихре времени, стерлись из общественной памяти. И только эти непритязательные выпуски отчетов хранят информацию о каждом: кто, когда учился, у каких педагогов, платил ли за обучение или получал именную стипендию, в каких концертах принимал участие, и, наконец, стал ли он свободным художником или выпустился с аттестатом. Но разве это не находка для скурпулезного исследователя? Ведь иногда именно незначительная биографическая деталь, дата, имя позволяет распутать какой-нибудь клубок противоречивых фактов, подтвердить или опровергнуть научную гипотезу. К чему обращаться ученым? Воспоминания могут исказить действительность, дневники — приукрасить, а подобный официальный документ всегда скажет только правду.

Забавно иной раз видеть фамилию крупнейшего музыканта, ставшего гордостью нашей консерватории, в списке еще не оперившихся, но подающих большие надежды юнцов, — молодых студентов консерватории.

Читаем афишу вечера камерной музыки: «Соната для фортепиано и виолончели Сен-Санса, исполняет Ростропович (класс проф. Вержбиловича)». Это не тот Ростропович, о котором вы успели подумать. Это его отец Леопольд, учившийся в консерватории с 1905 по 1910 год. Он не получал никаких стипендий, но был освобожден от платы за обучение. Он станет блестящим выпускником консерватории, получив по окончании ее золотую медаль. Мало кто знает, что талантливейший виолончелист, «благородный романтик», «редкий мастер кантилены», как называли его современники, был еще и недюжинным пианистом, учеником А.Н. Есиповой. Интересно переплелась его судьба с товарищем по классу Вержбиловича Семёном Козолуповым, о котором мы тоже находим краткие сведения в отчетах. Стипендиат в годы учебы, Козолупов окончил консерваторию в 1907 году с серебряной медалью как виолончелист. Мы можем подробнейшим образом проследить его концертную деятельность в студенческие времена. Так, на последнем году своего обучения он сыграл концерт Сен-Санса для виолончели с оркестром a-moll под управлением Малько (тогда еще студента, но в недалеком будущем состоявшегося дирижера; вспомним хотя бы, что премьера Первой симфонии Шостаковича прошла именно под его руководством).

И снова о переплетении судеб... Оба товарища по консерватории впоследствии женятся на родных сестрах Федотовых, оба переберутся в Москву, став видными музыкальными деятелями столицы. Козолупов же будет возглавлять московскую виолончельную школу с 1922 года по самой смерти (1961 г.).

Москва переманила и еще одного музыканта, учившегося в 1901 – 1909 гг. в классе теории и композиции у Римского-Корсакова, Лядова и Глазунова. Им был Михаил Фабианович Гнесин, ставший профессором в Московской консерватории, педагогом училища и института им. Гнесиных и воспитавший таких учеников, как А.И. Хачатурян и Т.Н. Хренников.

История судеб — удивительная штука. Каждое, даже самое маленькое расследование увлекает, затягивает тебя, и требуется время, чтобы освободиться от власти впечатлений, охватывающих тебя в процессе исследования. Так и хочется вспомнить слова М.Ю. Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно... когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

И все же, исследуя отчеты ИРМО, мне хочется коснуться еще одной темы. Она несколько не вписывается в наше романтическое представление о консерватории как о духовной обители музыкантов, где безраздельно царит только искусство. Все мы знакомы лишь со звездными страницами ее жизни, ее успехами и достижениями. А эти пожелтевшие, разваливающиеся, пылящиеся где-то в укромном уголке неприметные тетрадочки открывают перед нами столь же неприметные будни консерватории, наполненные крупными и мелкими хозяйственными хлопотами, заботами о финансах и большим количеством иной рутинной работы.

Итак, обратимся к кассовым отчетам, являющимся самой объемной частью отчетов ИРМО и консерватории. Что нового они могут сказать нам? Ни для кого не секрет, что финансовое положение консерватории, особенно в XIX – начале XX вв., было весьма затруднительным, временами же просто плачевным. Но для того, чтобы полнее представить себе условия ее существования в то время, нужно понять, что такое жизнь общественной организации. А ведь именно такой организацией, а не государственным учреждением, являлась консерватория. Да, естественно, большую материальную поддержку оказывали члены царской семьи, долгое время бывшие покровителями консерватории, но их помощь никак не влияла на ее официальный статус. Все, на чем держалось это учебное заведение, было результатом инициативы частных лиц, их добросовестной и бескорыстной работы. Конечно, частью доходов была и плата учащихся, но и этих денег часто не хватало, и консерватория попадала в долги (все эти суммы фиксируются в отчетах), отказывалась не только от излишеств, но и от необходимых учебных предприятий. Так, в сложном для нее 1891 – 1892 учебном году, после ухода Рубинштейна с поста директора, пришлось закрыть воскресные классы пения и

отказаться от оркестра (!) в связи с неокупаемостью. Иногда дело доходило до некоторого унижения, потребности просить «подаяния». В отчетах мы находим такую запись: «Вынуто из шляпы для пожертвований на симфоническом собрании — ... руб.»

Теперь, заглянув в прошлое, нам остается только недоумевать, как на таком шатком фундаменте удалось выстроить прочную систему, оказавшуюся столь жизнеспособной. Может быть, тогда были особые люди, более честные, более бескорыстные, более ответственные, а руководящие лица — неподкупные и добросовестные? Читаем в отчетах: «На основании устава избрана Ревизионная Комиссия для проверки отчетности за 1902 – 1903 гг. Санкт-Петербургской Дирекции ИРМО и консерватории. По проверке вышеозначенных книг и документов, оные оказались веденными правильно и в надлежащем порядке. Показанные по отчету в остатке бумаги и деньги... состояли к означенному сроку в наличности».

В свете недавних криминальных событий содержание этого протокола и то, что за ним стоит, кажется почти утопией для сегодняшнего дня. Да и разве сам факт существования отчетов ИРМО и консерватории не является прекрасным свидетельством прозрачной и открытой политики директоров, чистых не только перед законом, но и перед собственной совестью?.. Сейчас они тихонько лежат в ящичке стола и лишь бросают немой укоризненный взгляд на современность. Что же увидит исследователь в сегодняшних отчетах лет через сто, да и отыщет ли он их вообще — покажет будущее.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...
(А.С. Пушкин)

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1891 – 1892 гг.
2. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1902 – 1903 гг.
3. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1906 – 1907 гг.
4. Отчет Санкт-Петербургского отделения ИРМО и консерватории за 1909 – 1910 гг.